

DOI 10.22363/2618-897X-2023-20-4-747-753

EDN: OZAGZN

Эссе

Визуальная поэзия Ирис Аполло

О.А. Валикова , Ш.А. Кулиева

Российский университет дружбы народов,
Российская Федерация, 117198, Москва, Миклухо-Маклая, 6
 leka.valikova@mail.ru

История статьи: поступила в редакцию: 12.08.2023; принята к печати 12.09.2023

Конфликт интересов: отсутствует

Для цитирования: Валикова О.А., Кулиева Ш.А. Визуальная поэзия Ирис Аполло // Полилингвильность и транскультурные практики. 2023. Т. 20. № 4. С. 747–753. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-747-753>

Essay

Visual Poetry by Iris Apollo

Olga A. Valikova , Sheker A. Kulieva

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya Str., Moscow, 117198, Russian Federation
 leka.valikova@mail.ru

Article history: received 12.08.2023; accepted 12.09.2023

Conflict of interests: none

For citation: Valikova, O.A., and Sh.A. Kulieva. 2023. “Visual Poetry by Iris Apollo”. *Polylinguality and Transcultural Practices*, 20 (4), 747–753. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2023-20-4-747-753>

© Валикова О.А., Кулиева Ш.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Визуальная поэзия¹ — одна из реализаций семиотически осложненной коммуникации. Исследователи, в частности психолингвисты, называют процесс взаимодействия вербального и невербального компонентов внутри текстуального единства креолизацией, результатом которой становится гетерогенное семиотическое пространство: каждый из элементов знакового комплекса несет собственную функциональную нагрузку, тем не менее восприятие коммуникативного послания происходит целостно. Однако, как показывают эксперименты², такое восприятие не всегда происходит органично: зачастую компоненты креолизованного текста «перебивают» друг друга

Визуальная поэзия, рождающаяся в континуальном единстве вербального и графического, — текст не столько креализованный, сколько семиотически осложненный. Уместнее было бы применить по отношению к нему термин М.Ю. Лотмана, переосмысленный У.М. Бахтикиреевой в аспекте поликодности (в частности, транскультурной и транслингвильной) смыслопорождающего поля — «полилингвильность». Эта задача — дело будущего. Пока мы сосредоточимся на визуальной поэзии, т.е. поэзии, сосуществующей с аккомпанирующим ей изображением, которое участвует в запуске герменевтического круга в читательском восприятии.

В подобной эстетике работает художник, поэт, член Союза литераторов России Ирис Аполло. Стихотворения, которые мы могли бы условно объединить в цикл «Импульс Античности» (по названию одноименной выставки художницы в г. Керчь), осуществлялись одновременно с графическими образами, составляющими с ними континуальное единство³.

В стихотворении «На запад от страны царицы Хатшепсут» читаем:

На запад от страны царицы Хатшепсут?
В начале ноября у Сфинксовых ворот?!
Играй, любовь моя, и не сочти за труд
Принять меня, Ирис, в свой вечный хоровод.
Играй, дыши, флейтист!
Нам заморозков ждать.
Полярная звезда зашла за горизонт.
На север от Москвы висит крыло дождя,

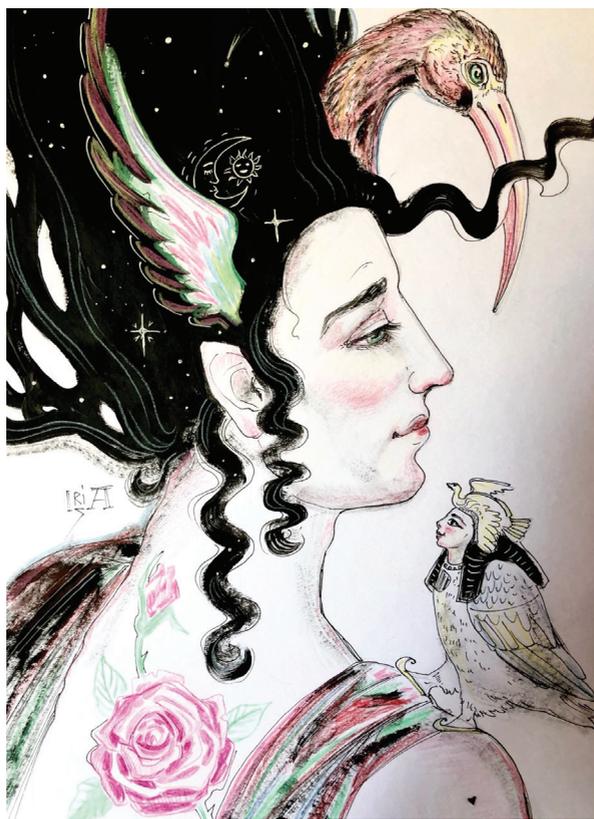
¹ Термин предложен Ш. Кешфидиновым; его применение, однако, в творчестве исследователя касается визуального искусства, которое осмысливается в категории поэтического.

² Косенко В.С. Смысловое восприятие креолизованного текста: дисс. ...канд. филол. наук, М., 2020. 156 с.

³ Тексты и рисунки Ирис Аполло публикуются впервые с разрешения автора.

Скрывая от меня Солнечногорск.
Но Гермополис мне виднее во сто крат:
Вперед идут жрецы, за ними сам бог Тот.
Поет в его руках тростник. А виноград
Запенился вином как раз в солнцеворот.
Тебе я принесла
цветы и бергамот,
мелиссу и осот
На кончике души.
Прими меня опять в свой вечный хоровод!
Любовь моя, играй!
Флейтист, дыши, дыши!

Стихотворение, насыщенное символами, экспликативными метафорами «неназывания», многослойно, ассоциативно. Очерчивая географический контур бытования божества, к которому обращен голос Поэта, оно размыкает всякие топологические границы, становится текстом о Поэзии как таковой. Расширяя предложенную Ф. Ницше в эссе «Рождение трагедии из духа музыки» двухчастную модель искусства — аполлонического и дионисийского, автор — и лирическая героиня — идет на зов иного бога. В заданных координатах (страна царицы Хатшепсут — Египет; примечательно, что Хатшепсут — первая женщина-фараон в истории Царства, чье происхождение было настолько безукоризненным, что ее называли супругой самого Амона Ра; Сфинксовы ворота — Месопотамия; говорящее имя носит и город Гермополис) мы находим того, к кому стихотворение обращено. Тростник Флейтиста — флейта — еще один знаковый атрибут. Неслучайно появляется и образ бога Тота, который в древнеегипетской культуре выступал воплощением той же творческой интенции, что и Гермес — в культуре эллинистической. На флейте играет Гермес — «трижды величайший»; куда льется мелодия, рождаемая дыханием, бесконечен и сам хоровод жизни и искусства — символ слиянности, неразрывности сущего, божественного и человеческого. Стихотворение континуально связано с графическим изображением, представленным ниже. Многие визуальные символы здесь перекликаются с вербальными элементами, о которых мы упоминали ранее. Внимательный читатель (и зритель) увидит здесь и зооморфный священный атрибут бога Тота, и дихотомию Солнца и Луны, и гермесовы «крылья». Это своего рода ключ к целому, и мы предлагаем нашим читателям поразмышлять о смыслах произведения самостоятельно. Отметим только, что герменевтический круг становится именно «кругом» в единстве обоих элементов.

«Импульс Античности» продолжает стихотворение «Сентябрь теплый свел с ума».

Сентябрь теплый свел с ума!
И крокусы в лесу под елью —
Наброски нежной акварелью —
Цветут. А с ними жизнь сама.
Кровавит дикий виноград
Стволы деревьев и заборы,
Речной вокзал и Лихоборы,
Солнечногорск, Зеленоград.

Плывут пионы-облака
Вверху небесною рекою:
Над головой, полны покоя
И голубого молока.
Здесь стрелки крутятся назад.
И между спиц велосипеда
Мелькает временное лето,
Над Вечностью раскинув сад.

Здесь также явлен Панхронос, несмотря на то, что локальное становится более «земным»: появляются имена мест, связанных с реальной жизнью поэта. Однако и в этот «волошинский» по духу и эстетике текст незримо вплетается образ того, кто воплощает для лирической героини (осмелимся предположить, и для автора) синтезирующий элемент триады, элемент недостающий и вбирающий в себя все. Если дионисийское и аполлоническое — тезис и антитезис, герметическое — синтез. Кажется бы, не назван в тексте ни один из богов. Но всмотримся в символы. Виноград — сакральный

атрибут Диониса. Небесными коровами греки называли облака. Изначально пас их не кто иной, как Аполлон; гораздо позднее функция солярного божества была передана Гелиосу. И Гермес, не названный в тексте, появляется «вспышкой памяти»: в нашем воспринимающем сознании разворачивается миф о том, как младенцем Гермес украл коров Аполлона (которых впоследствии вернул, и этот мотив также значим). Иллюстрируя стихотворение, поэт вновь обращается к важной для себя идее: идее синтеза, которую актуализирует образ Гермеса. У нас не возникает сомнений в том, что изображен именно он: на голове крылатый шлем; в руках флейта, кадуцей — вертикаль мира, символ перемещения между пространствами; здесь же петух, пробуждающий к жизни все спящее, — священные атрибуты Гермеса.

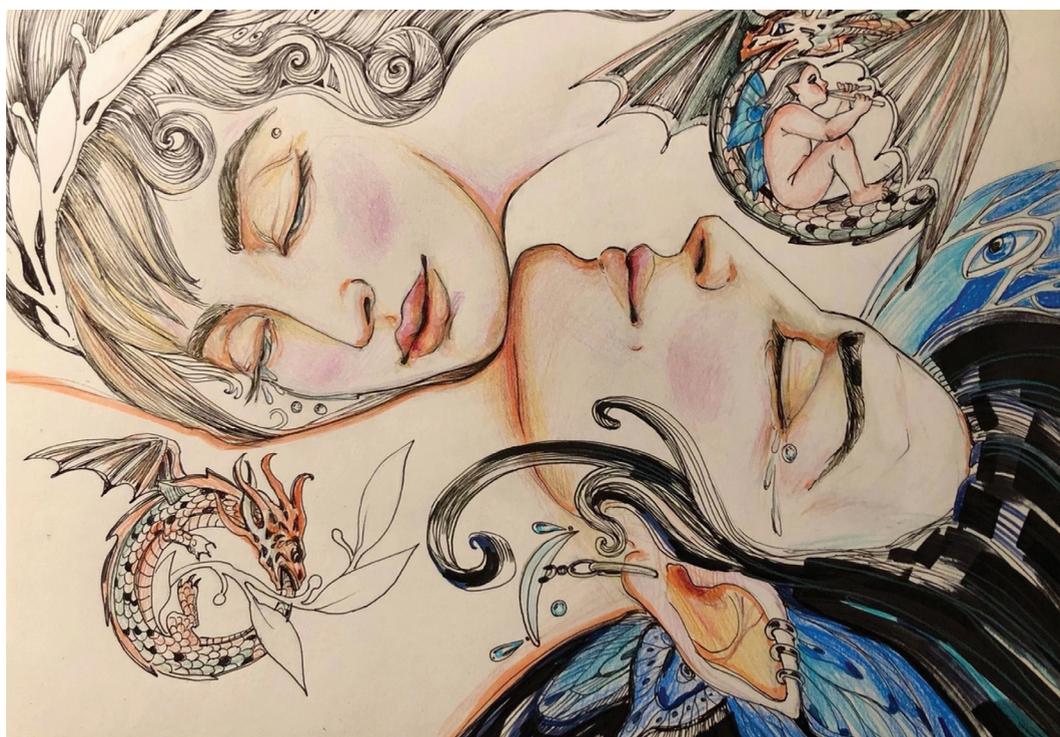

Тема вечности — ключевая и для стихотворения «От яблок млечный свет в ночи»:

От яблок млечный свет в ночи.
И мелодичные ключи
От рая. Точка с запятой.
Сентябрь льется золотой
Сквозь пальцы, солнцем налитой.
И, на лету, у самых глаз
Тень стрекозы. Она анфас
Восьмерку Вечности дает.

Сквозь слюдяной ее полет,
Сквозь крылья тоньше волоска
Течет незримая река,
Объединяет берега,
Где от Античности до нас
Любовь есть времени каркас,
Узор вселенной в бусах дней –
Калины гроздь в руке моей.

Если Душа в феноменологии античности заключена в образах бабочки и птицы (ласточки), то стрекоза — символ перемен. Это существо, способное перемещаться сквозь измерения, и эта ее функция имплицитно связана с образом Гермеса как вестника богов и психопомпа. «Восьмерка вечности» обыграна визуально (см. рисунок). Незримая река, объединяющая берега времен (объединяющая, а не разделяющая) — еще один знак синтеза, имеющий для поэта и его метатекста первостепенное значение. Глаз Аргуса, никогда не спящего и все же побежденного Гермесом, — еще одна подсказка художницы о том, какова для нее роль искусства. Не герметичное как замкнутое, но герметическое как синтезирующее.

Таким образом, синтез, проявленный в континуальности вербального и невербального, восходит к идее художника о триаде, которая уравнивает оппозицию: аполлоническое — дионисийское — герметическое.

Как синтез мы рассматриваем и феномен семиотически осложненной коммуникации — апология эпистемы осуществится в статьях научного типа. Наше эссе было иллюстрацией того, как она может быть проявлена. И главная здесь мысль — что такая коммуникация не о компиляции, а именно о синтезе.

Сведения об авторах:

Валикова Ольга Александровна — PhD в области филологии, доцент кафедры русского языка и межкультурной коммуникации, институт русского языка, Российский университет дружбы народов. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Кулиева Шекер Авдыевна — кандидат исторических наук, доцент кафедры иностранных языков, факультет гуманитарных и социальных наук, Российский университет дружбы народов. E-mail: shekkul@mail.ru

Bio Notes:

Olga A. Valikova is a PhD in Philology, Ass. Professor of the Department of Russian Language and Intercultural Communication, Russian Language Institute, RUDN University. E-mail: leka.valikova@mail.ru

Sheker A. Kulieva is a Candidate in History, Docent of the Department of Foreign Languages, Faculty of Humanities and Social Sciences, RUDN University. E-mail: shekkul@mail.ru